

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Папа римский Сильвестр II
обладал поистине
прогрессивными и
энциклопедическими
знаниями, и в преддверии
конца света в 1000 г. н. э.
он изобрел «терафима» —
человеческую голову,
отвечающую на любой вопрос.
Не она ли стала началом
Апокалипсиса?

Лариса КАПЕЛЛЕ

Оракул Апокалипсиса

Артефакт & Детектив

Лариса Капелле

Оракул Апокалипсиса

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Капелле Л.

Оракул Апокалипсиса / Л. Капелле — «Эксмо»,
2015 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-84121-9

В конце первого тысячелетия католическая Европа замерла в ожидании предсказанного Апокалипсиса. Папа Сильвестр II, который был очень образованным человеком, показывал особо доверенным лицам Оракула — некую «Говорящую Голову». Никто точно не знает, что это было на самом деле... У прогрессивного папы было много врагов, обвинявших его в сговоре с дьяволом, поэтому нет ничего удивительного, что Сильвестр II досрочно покинул этот бранный мир. Вместе с ним исчез и загадочный терафим — Оракул... Ангелина Слепцова много денег тратила на благотворительность. Приехав на презентацию достижений одного из фондов, в который она вложила немалые средства, Ангелина ожидала увидеть все, что угодно, но никак не отрезанную голову профессора, задействованного в работе над созданием современного терафима. Вскоре был убит еще один из ученых, занятых в проекте, а на Ангелину было совершено покушение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84121-9

© Капелле Л., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1. Где человек не сможет, там и Бог не поможет	6
Глава 2. Приятные слова	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Лариса Капелле

Оракул Апокалипсиса

© Капелле Л., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1. Где человек не сможет, там и Бог не поможет

Год 999 после Рождества Христова. Священная Римская империя, Констанц

День, обычный и серый, как и все предыдущие и все последующие дни Густавиуса, подходил к концу. Впрочем, Господа гневить ему было незачем. Брюхо не урчало от голода, и от холода спасала изрядно поношенная, но почти целая мантия из великолепной фламандской шерсти, да еще подбитая кроличьим мехом. Эта мантия ему досталась после смерти богатого торговца Вильфрида Кирстнера. Благочестивая и богобоязненная вдова Вильфрида Матильда пожертвовала одежду мужа церкви. А настоятель церкви Святой Берты отец Иероним, благоволивший Густавиусу, дал ему возможность выбрать первым. Жалко только, что ноги покойного были маленькими, от сапог пришлось отказаться. Но мантия была хорошей, очень хорошей. Еще ему досталась теплая меховая шапка. И со спины Густавиуса можно было принять за приличного горожанина. Правда, только со спины. Стоило ему повернуться лицом, и любому было ясно, что перед ним – самый обыкновенный и заурядный бродяга. Был Густавиус без роду без племени. Да и имя было сложновато для такого нищего, как он. Всею виной предшественник отца Иеронима, отец Титус. Когда крестил ребенка бездомной бродяжки, решил приставить к обычному имени латинское окончание, для красоты и для просвещения. Хотя, кто его знает, может, поэтому и досталось бродяжке самое удобное для прошения милостыни место – церковная паперть, сидение на которой стало для Густавиуса чем-то вроде постоянной работы.

В свободное от прошения милостыни время Густавиус промышлял по мелочам. Брался за все. Особой брезгливости у него не было, да и откуда ей взяться? Это счастливые баловни судьбы, родившиеся в рубашке, спавшие в собственной постели у весело трещавшего очага, могли выбирать. Густавиус же подобной роскоши позволить себе не мог. Поэтому и согласился на работу, предложенную неким Бертольдм Вюртембергским. Кем был этот самый Бертольд, Густавиус толком не знал. Вроде бы имел какое-то отношение к церковному сословию, был чем-то вроде монаха-затворника, однако в монастыре не жил и от обычных священников предпочитал держаться в стороне. Зато частыми гостями его были епископ города Его Преосвященство Макариус, самые знатные горожане, и даже пару раз видели у него вчерашнего императорского наставника и сегодняшнего главу всех христиан папу Сильвестра II. Да и дом у монаха был странным. Снаружи – дом обычного богатого горожанина, и вход, как у всех, и общая зала со спальнями наверху, и кухня. Только погреб был удивительным. Огромный, с высокими потолками, он был весь заставлен странными сосудами, на столах лежали чудные инструменты, и в углах стояли диковинные машины.

Впрочем, кем был на самом деле Бертольд Вюртембергский, Густавиусу было все равно. Главное, что благодаря ему он мог плотно набить брюхо в соседней с церковью таверне, не забывая пару огромных кружек ароматного пива. Хотя, может быть, кому-то другому работенка показалась бы и страшной, но не Густавиусу. Всего-то ничего, ночью помочь Бертольду выкопать тело одного из только что похороненных таких же бездомных бродяг без роду и племени или закопанных за церковной оградой преступников. Под покровом ночи труп относили Бертольду, могилу закапывали, а на следующую ночь приносили обратно на кладбище и клали на место, и все шито-крыто.

Кроме того, помогало Густавиусу и то, что он обретался в крошечной сторожке, примыкавшей к стене церковного кладбища. Так что к соседству отмучившихся на этом свете он привык с самого детства и нисколько не боялся. Это богобоязненные кумушки закатывали глаза и торопливо крестились, проходя мимо кладбища. Густавиус только саркастически улыбался.

Если бы по-настоящему верили, то не боялись бы увидеть своего Господа. Он даже поделился своими сомнениями с отцом Иеронимом. Тот только усмехнулся:

– Ничего не поделаешь, люди слишком привязаны к земной жизни, к грешным радостям и своему телу, а смерть страшит, как и все неведомое.

– Почему? – удивлялся Густавиус. – Вы ведь каждый раз говорите, что смерть – освобождение и искупление земных грехов, дорога в волшебные сады рая.

Густавиус вспомнил совершенно чудесную гравюру с изображением райского сада с удивительной красоты деревьями, огромными плодами и ярко светящим солнцем, которую показывал ему в детстве отец Титус.

Как ни странно, Иероним помрачнел и отвел взгляд в сторону, словно и сам сомневался в правдивости собственных слов.

– Молчите, святой отец?!

– Да, сын мой, ты задал очень непростой вопрос.

– Что же в нем сложного?

Только ответа на свой вопрос так и не получил. Хотя, по большому счету, ему было все равно. Своему жилищу он был рад. Для такого бездомного, как он, любое пристанище было за счастье. Была дверь, худо-бедно защищавшая от пронизывающего до костей северного ветра, были тюфяк, набитый прошлогодней соломой, и несколько старых шкур. Королевское ложе, которое, несмотря на свою скудость, защищало беднягу от холода. Был даже маленький очаг. Но разжигать его Густавиус позволял себе только в самые холодные дни. В обычные зимние ночи он не прикасался к драгоценному запасу хвороста и перепавшим от Бертольда настоящим поленьям. Так что работа на странного монаха была для бродяги выгодной во всех отношениях. И выкапывание-закапывание трупов его нисколько не смущало. Мертвым было все равно. В этом Густавиус был совершенно уверен. И что такое угрызения совести, он не знал, как, впрочем, и что такое совесть. Совесть была слишком большой роскошью. Ему был известен страх возмездия и воздаяния за грехи, страх попасть после смерти на горячие сковородки ада. Но в глубине души он был уверен, что ад всем живущим уже хорошо известен, и он здесь, на земле. Но земная жизнь коротка, а перед смертью он не робел, хотя и не торопил костлявую старуху с остро отточенной косой. Всегда успеется. Единственное, что страшило, – оказаться в этом аду навечно и никогда не увидеть волшебные сады рая.

Зимний сумрак опускался быстро, и скоро все накрыло черным покрывалом ночи. Густавиус в темноте ориентировался прекрасно и уже через пару минут был на северном, предназначенном для бедняков, краю кладбища. На этот раз Бертольд ждал его не один. С ним был какой-то высокий сухой мужчина, разговаривавший со странным акцентом. Бертольд коротко объявил нищему, что на этот раз никого выкапывать не придется, а надо будет только закопать поглубже вот это, и жестом указал на нечто, укрытое полотном. Густавиус послушно кивнул головой и принялся за работу. О том, что лежало на носилках, он предпочитал не думать, хотя впервые ему было не по себе, и вопрос, что было под темной тканью, не давал покоя. Внезапно огромный вынырнувший из-за облаков лунный диск осветил все вокруг безжизненно-белым светом. Налетел порыв пробирающего до самых костей северного ветра. Густавиус поправил пояс, придерживающий мантию. Но ветер не унимался. Стараясь защитить лицо, мужчина повернулся к ветру спиной. Полотно слетело с носилок, и под ним... И теперь уже не холод заставил Густавиуса задрожать, а леденящий, сковывающий по рукам и ногам ужас. Никогда в жизни ему не приходилось видеть более страшного зрелища. Перед ним были выложены шесть скрючившихся высохших трупов. Мертвецами были маленькие дети, даже скорее младенцы, но самое страшное... Бродяга не верил собственным глазам. Ни у одного из них не было... головы.

* * *

Ангелина Слепцова подставила солнцу лицо и улыбнулась собственным мыслям. Она сидела на террасе собственной парижской квартиры и наслаждалась жизнью. Этим утром у нее было особенно хорошее настроение. И вызвано оно было годовщиной знаменательного события, полностью изменившего Ангелинино существование. В жизни среднестатистических людей такими замечательными событиями обычно были свадьбы, рождение детей, карьерные взлеты и прочее. Жизнь же мадам Слепцовой стала праздником после случившегося год назад развода. И вопреки общепринятому отношению к подобным событиям Ангелина, в российском прошлом Лина, а в швейцарско-французском настоящем Анжи, рассматривала случившееся с точки зрения, может, и пронафталиненной, но удивительно точной народной мудрости: «Не было бы счастья, да несчастье помогло!»

Развод освещался целым рядом средств массовой дезинформации. Ангелина по совету адвоката надевала черные очки. Они придавали ей слегка скорбный вид, но, самое главное, скрывали и от взгляда судьи, и широкой публики блестящие от удовольствия глаза. Потому что подобное выражение никак не вязалось с отважной битвой, которую вел ее единственный адвокат Феликс Штаубе против армии собственных братьев, нанятых экс-супругом Ангелины Юрием Слепцовым. Битву Феликса кто-то даже назвал битвой Давида против Голиафа. Хотя на самом деле хрупким и маленьким Давидом в данном случае была армия слепцовских адвокатов, и сражаться ей приходилась вовсе не с Голиафом Штаубе, а с законами славной Швейцарской Конфедерации.

Все началось с того, что Юрий Слепцов, Ангелинина вторая половина, заработавший в лихие перестроечные и перестрелочные годы пару-тройку миллиардов, решил убраться от греха и от конкурентов подальше. Тем более, вышеобозначенные конкуренты по правилам играть не любили, а предпочитали действовать по принципу: «Нет человека – нет проблемы». Слепцов был умным и, чем данное правило ему грозило, понял сразу и без дополнительных объяснений. Поэтому и потянуло Ангелининого мужа к альпийским лугам и особенно – к приветливому швейцарскому налогообложению. Теперь за тягу к перемене мест ему приходилось расплачиваться. Остался бы в России – Ангелине пришлось бы отвоевывать жалкие крохи зубами и когтями. А швейцарское, вскормленное протестантизмом, законодательство привыкло все делить по справедливости, а неверных мужей в сопровождении очередного творения глянцевого журнала строго наказывать за отклонение от освященного Создателем союза.

Ангелина, впрочем, на суде рассказывать не стала, что поженились они со Слепцовым на скорую руку: загс, пара свидетелей и вечеринка в общаге. Хочется им верить в святость брака – пусть себе верят. Да и изменяли они друг другу давно и упорно. Просто в один не очень прекрасный момент Слепцов почему-то решил, что деньги зарабатывал он один, и Ангелине они совершенно не нужны. Анжи не согласилась с подобной постановкой вопроса и тем более – с подобным решением проблемы. Слепцов сдуру решил поиграть мускулами: мол, я самый крутой, а ты – болотная козявка, молчи и радуйся, если буду отстегивать пару тысяч в месяц. Ангелина благоразумно сделала вид, что испугалась, и Слепцова понесла косая в щавель. То есть сам подал на развод да еще зазнобу латиноамериканскую, прямиком сошедшую с рекламной обложки, повсюду стал за собой таскать. Мол, раззудись, плечо, размахнись, рука, и знай наших. Покажем «драной Европе» кузькину мать и как русские гуляют. Разгромил пару люксов в самом фешенебельном отеле Сен-Морица. Его возлюбленная парикмахерше за плохо сделанную укладку физиономию слегка поцарапала – расстроилась, короче говоря. Потом неделикатного папарацци за волосы оттаскала. Горячая кровь, ничего не поделаешь.

Только это Ангелине и было надо. Она с горестным видом приходила на процесс в сопровождении своего единственного адвоката – мол, не до жиру. Публика прониклась сочувствием

к такой достойной мадам. Слепцов продолжал буянить и показывать всем, где раки зимуют. А Ангелина спокойно ждала, пока отлаженная, как знаменитые швейцарские часы, юридическая машина Конфедерации камня на камне не оставит от ее законного супруга. Ее расчеты оказались правильными. «Драная Европа» нотаций Слепцову читать не стала, просто-напросто оттяпала шестьдесят процентов состояния. Сорок – в пользу Ангелины, а двадцать ушло на судебные издержки и штрафы. Попутно выяснилось, что Слепцов время от времени уклонялся от уплаты налогов. Бывший Ангелинин муж ошибку понял, только было уже поздно. Поэтому без особого шума оципанном петухом облагоразумившийся мужчина перебрался на постоянное место жительства в Люксембург и больше никому ничего не доказывал. Теперь не до жиру было уже ему.

Ангелина же была на седьмом небе от счастья. Она была свободна и, самое главное, богата, очень богата. Но в отличие от Слепцова деньгами сорить не стала и молодого любовника не завела. Смысла в этом не видела. Женевскую квартиру с согласия мужа передали сыну с невесткой Даниэлой. У них к тому времени уже росла дочка. Бледное, невзрачное существо с роковым и загадочным именем Манон. Ангелина как себя ни ругала, но к внучке при всех усилиях привязаться не могла. Она всегда ей казалась полной копией матери, хотя, по утверждению всех окружающих, внучка больше была похожа на Валентина. Поэтому рядом с сыном и невесткой Ангелина оставаться не стала. Купила шале в Швейцарских Альпах и квартиру в Париже. Весь остальной капитал вложила в ряд солидных фондов, страховок, оставив приличные суммы для своего любимого занятия – игры на бирже. Теперь оставалась последняя проблема и, как выяснилось, не из самых простых: чем заполнить собственное новое свободное и богатое существование. Когда-то не самый глупый человек на земле Оскар Уайльд заявил, что самое высшее «искусство жизни» – это «находить соблазны». Оказалось, англичанин не преувеличивал.

Правда, вначале Ангелина подобную трудность недооценила. Она стала называть себя Анжи, переехала в Париж, завела лучшего парикмахера, личного стилиста, визажиста и стала упорно посещать светские приемы. Потом все это ей благополучно надоело, тем более, она заметила, что если ее и приглашали, то исключительно на благотворительные акции. И в один момент процесс подписывания чеков начал ее слегка напрягать. Она стала к новым знакомствам относиться более разборчиво и чеки подписывать перестала. Как только перестала разбрасываться деньгами, плотный ряд новых знакомых изрядно поредел. Но Анжи это нисколько не расстроило. Жизнь научила ее действовать по принципу «баба с возу, кобыле легче». Она продолжала вести существование, которое ей очень даже нравилось, мудро полагая, что за людьми, с которыми приятно и интересно общаться, дело не станет, надо только подождать. И на этот раз благоразумная Ангелина Слепцова не ошиблась.

Как нашли друг друга Ангелина и Марго – история умалчивала, вернее, не помнила. Были какие-то смутные воспоминания о том, что вроде бы Ангелина толкнула Марго в знаменитом парижском «Bon marche»¹. На что парижанка ответила язвительной репликой. Ангелина за ответом в карман не полезла. В общем, намечавшаяся хорошая потасовка закончилась в баре за стаканом шампанского и тающими во рту тарталетками. Ангелина настояла на том, что платит она. И после Марго и «нахальная русская» стали подружками «не разлей вода». Так скажем, что две дамы примерно одного возраста и со сходными взглядами на жизнь нашли друг друга. Обнаружили, что придерживаются похожих жизненных принципов, главным из которых был «хрен, положенный на мнение окружающих». Именно он и помогал обеим вести спокойное и счастливое существование.

Кому-то другому Марго бы показалась эгоистичной, взбалмошной, слегка самодуркой. Но Анжи на мнение этого кого-то другого было искренне наплевать с самой высокой париж-

¹ Крупный универмаг.

ской крыши. С Марго было интересно, как может быть интересно с состоявшейся, уверенной в себе на все двести процентов и, самое главное, терпимой к собственным, а поэтому и к чужим слабостям женщиной. Тем более, в Марго было то, чего Ангелине, по ее собственному признанию, никогда не хватало: полная и непоколебимая убежденность в собственной значимости, уникальности и неповторимости. Правда, иногда это качество невероятно раздражало, но Ангелина научилась мириться и с этим.

– Марго, постарайся освободиться сегодня пораньше, – уговаривала она подругу по телефону, – мне не хочется опаздывать.

– Подумаешь, небольшое получасовое опоздание никому особенных проблем не доставит, – отмахивалась ее собеседница.

– Неприлично, мне давно хотелось с ними познакомиться.

– Ma chérie (моя дорогуша), расслабься, – не обращала внимание на серьезность ситуации Марго, – рассматривай это с точки зрения, что это важно прежде всего для них, а не для тебя. Деньги правят миром, дорогуша, и они на твоей стороне!

– Вот я как раз не хотела бы казаться обвешанной драгоценными камнями свиньей! – начинала возмущаться Ангелина.

– Но при чем тут это! Просто ты никак не научишься себя вести как желанная и ожидаемая женщина, которая всегда может себе позволить небольшую задержку. Это даже мило!

– Ты невозможна! Подумай только, в какое ужасное положение ты меня ставишь!

– Не я, а ты сама себе придумываешь проблемы. Оставь свою английскую вежливость и стань посвободнее!

– Иногда я готова тебя убить! – призналась Ангелина.

– Ой, неужели все так серьезно! – с вполне искренним испугом воскликнула Марго.

– Что – серьезно? – напряглась Анжи.

– Тебе понравилась эта «постная рожа»!

«Постной рожей» она почему-то сразу назвала их нового знакомого, известного ученого Флориана Лориса. Лорис был им представлен общим другом на одном из благотворительных приемов, посвященных сбору средств на изучение загадок человеческого мозга и борьбе с нейродегенеративными заболеваниями вроде болезни Альцгеймера.

– С чего ты взяла?

– Ты хочешь, чтобы я тебе выложила логические доводы и выводы?

– Выкладывай.

– Не буду напрягать ни тебя, ни себя, дорогуша, просто догадалась. Ну все, до вечера, и не переживай, «постная рожа» будет твоим, даже если ты опоздаешь на два часа!

Ангелина только вздохнула. В такой ситуации спорить было занятием полностью бесполезным. Тем более с Марго, девизом которой была фраза Киплинга о том, что «женская догадка обладает большей точностью, чем мужская уверенность». Хотя полностью согласиться с Марго она не могла. Лорис был интересным мужчиной, и с ним было не скучно. А сегодня они были приглашены на очередное заседание фонда, совмещенное с презентацией какого-то нового проекта. Флориан хотел показать Ангелине, на что в реальности идут ее пожертвования. Невыносимая Марго совершенно не понимала, что на такого рода собрания почтенной публики являться с опозданием неприлично. Но спорить с Марго было бесполезно, поэтому Ангелина переключилась на более приятные размышления.

Вечером она в назначенное время заехала за Марго, и они действительно опоздали всего лишь... на сорок пять минут. Лорис их уже ждал. Это был высокий, импозантный мужчина со строгими, почти аскетичными чертами лица, богатой, рано поседевшей шевелюрой. Ангелина находила его манеры приятными и их обладателя симпатичным. Марго же никак не желала отказываться от первого впечатления и упорно называла Флориана «постной рожей». Такие

надменные и пафосные лица всегда выводили ее из себя. Не говоря уж про американизированную, во все тридцать два с половиной импланта, улыбку.

– Рад, что вы все-таки приехали! – тем временем он сделал упор на «все-таки», и Ангелине сразу почему-то захотелось оправдаться.

– Если бы вы знали, каких жертв нам стоило вырваться! – не дала ему преимущества Марго. И с удовольствием отметила как по команде исчезнувшую улыбку и кислое выражение, ее сменившее. «Тебе-то я как раз не по зубам, мой милый друг!» – явно не без злорадства пронеслось в ее голове.

Маститый ученый еле заметно пожал плечами. Огромный зал был заполнен народом. То там, то сям мелькали вспышки фотоаппаратов, несколько пробравшихся неизвестно каким способом зевак толкали друг друга локтями, указывая то на одних, то на других знаменитостей, ошастлививших собрание собственным присутствием.

– Ваш фонд пользуется успехом, – заметила Марго.

– Любому человеку интересна разгадка тайн собственного мозга и его сверхъестественных свойств, – важным тоном начал Лорис, – а тем более, если ему обещано увеличить эти самые способности в несколько раз.

– Даже если они нулевые, – с непонятым подтекстом произнесла Марго.

– В каком это смысле? – напрягся руководитель фонда.

– А в том, что ноль, увеличенный в несколько раз, остается нулем, – заявила парижанка и подняла на Лориса совершенно невинный взгляд.

С узких губ ученого почти готова была сорваться язвительная реплика. Но огромным усилием воли «постная рожа» сдержал вполне понятный порыв заткнуть рот такой невоспитанной особе, которой оказалась лучшая подруга его благотворительницы. Марго же без всякого намека на угрызения совести с удовольствием наблюдала за усилиями, которые прикладывал Лорис, чтобы не послать ее ко всем чертям. Демонстрируя чудеса самообладания, ученый подвел дам к трибуне и, извинившись, оставил одних.

– Ты что, с ума спрыгнула! Что он тебе сделал? – ткнула Ангелина в бок Марго так, что та даже вскрикнула.

– Ну, не нравится он мне! – объяснила Марго. – И перестань драться!

Тем временем на трибуну вышел высокий симпатичный брюнет лет сорока.

– Филипп Берже, один из самых талантливых участников проекта! – вполголоса представил говорившего Лорис.

Дамы изобразили заинтересованный вид. Суть выступления Берже сводилась к следующему. Воспроизведение человеческого мозга было необходимым в первую очередь для борьбы с нейродегенеративными заболеваниями, проблемами, вызванными старением мозга. И эта программа вовсе не собиралась создавать машину, способную заменить человека, – «никакого Терминатора создавать мы не собирались и не собираемся». Целью было создание промежуточного аппарата, интерфейса между мозгом и искусственным разумом. Насколько поняла Ангелина, они собирались ни много ни мало подключить человеческий мозг к компьютеру напрямую. Все получалось, как в хорошем научно-фантастическом романе: мозг благодаря этому сможет прямо управлять компьютером, и человеческие возможности автоматически увеличатся в несколько раз. Перспективы открывались одна заманчивее другой. В речи оратора мелькали слова и словосочетания вроде «центральный процессор», «оперативная память», «экзокортекс» и т. д. Впрочем, Анжи всерьез к выступлению ученого не прислушивалась. Она раздумывала над предложенным ей сегодня пакетом акций, обещавшим в случае успеха астрономическую прибыль, а в случае поражения – таких же размеров потери. Ответ нужно было дать уже завтра утром. Риск, по ее мнению, был, конечно, делом благородным, и кто не рисковал, никак не мог выиграть. Но она все-таки предпочитала риск в разумных пределах и решила ограничиться сравнительно небольшой суммой. Марго же, наоборот, с непонятым

волнением наблюдала за Филиппом Берже. Почему, понять она не могла. Конечно, он был привлекательным и каким-то вдохновенным, что ли. И еще в нем чувствовались внутренняя сила и такая убежденность в собственной правоте, которая в буквальном смысле заражала зал. Все без исключения глаза обратились к нему, и высокоученая толпа ловила каждое его слово. Он был великолепным оратором, и вся эта занудная нейродегенеративная тематика занимала его всерьез. Но было еще что-то, что именно – Марго никак не могла определить, и это выводило ее из себя. Она, как зачарованная, следила за выступлением ученого и уже через несколько минут искренне сожалела, что понимает все серединка на половинку. И еще у Филиппа были удивительно выразительные и красивые руки.

Поэтому ни Ангелина, ни Марго абсолютно не обратили внимания на странного пожилого человека, подошедшего к ним и стоявшего рядом уже несколько минут. И зря не обращали внимания, потому что субъект заслуживал самого пристального изучения. Во-первых, удивляли его глаза – разного цвета, один карий с черной каемочкой, а другой зеленоватый с коричневыми искорками. Потом, приглядевшись, внимательный наблюдатель мог отметить, что мужчина состоял из совершенно разных кусков. Словно у Создателя в последний момент под рукой оказались непригодившиеся остатки, и он, не задумываясь, слепил из них живое существо. Нос был бы красивым и совсем аристократическим, если бы не сдвинутая влево косточка, губы были пухлыми, как у ребенка, и кожа совершенно по-детски розовой, лоб был высоким, но вогнутым, одно ухо было оттопыренным, а второе красиво прилегало к голове, даже волосы росли вкривь и вкось, словно не зная, в какую сторону им податься. В общем, не человек, а нарисованное прихотливой рукой гения кубизма произведение. Наконец мужчина решил обратить внимание дам на себя. Он прокашлялся и приготовился было заговорить, но в этот момент неожиданный шум привлек внимание аудитории. Филипп Берже замолчал. Все, как один, повернулись к правому углу зала. Там, похоже, началась какая-то потасовка. Со всех сторон спешили сотрудники безопасности. Публика напряглась. Марго закрутила головой в поисках наиболее безопасного выхода.

Но тревога оказалась напрасной. Шум в углу быстро утих, и было видно, как из зала вывели какую-то экзотично одетую женщину с ярко-рыжими волосами и плакатом с неразборчивой надписью в руке. У Ангелины возникло впечатление, что она эту даму уже где-то видела. Действительно, пройти мимо и не обратить внимание на такую женщину было трудновато. Только, как она ни пыталась, не могла вспомнить, где и при каких обстоятельствах они встречались.

– Ничего особенного, очередная активистка, протестующая против опытов на животных, – с непонятной брезгливостью произнес стоявший рядом мужчина.

Только в этот момент Марго и Ангелина обратили внимание на занятого персонажа, стоявшего рядом.

– Вы ее знаете? – поинтересовалась Ангелина.

– И да, и нет, – неопределенно заявило творение Пикассо и тут же поспешно добавило: – Точнее будет сказать, знал.

Почему он говорил о скандалистке в прошлом времени – было непонятно, но Ангелина не успела задуматься над этим, как Марго задала свой вопрос:

– А что, они практикуют опыты на живых существах?

– А как вы думаете, для создания этого самого экзокортекса, о котором они столько говорят, просто необходимы опыты на живом мозге. Добровольцев на такие опыты нет, проводить их в третьих странах – в эпоху Интернета и других средств информации – себе дороже. Вот шимпанзе за нас, как всегда, отдуваются, – пожал плечами собеседник, он явно был рад поговорить.

– То есть опыты на самом деле проводятся на живом мозге? – с некоторой брезгливостью переспросила Марго.

– А куда деваться, нужно же проверять теории на практике! В старину опыты на людях проводились. Вспомните говорящие головы древности, сколько младенцев головы в самом прямом смысле слова на плаху науки сложили?!

– При чем тут младенцы? – встрепелась Ангелина.

– Их мозг более податливый...

– Генрих, что ты несешь! – возмущенно прервал их вернувшийся Лорис. – Наши гости могут воспринять твои рассказы всерьез! Не обращайтесь внимания, у Генриха – странная манера шутить, – через силу улыбнулся он, – кстати, позвольте вам представить Генриха Фроста. Это известный специалист по истории медицины и по совместительству – управляющий финансами нашей ассоциации. Хотя, конечно, основную работу выполняют квалифицированные бухгалтеры, – добавил он, вспомнив значительные суммы, пожертвованные Ангелиной, – мы не любители, не беспокойтесь.

Лорис многозначительно посмотрел на Фроста, тот понял намек без слов. Асимметричный человек раскланялся и растворился в толпе. Правда, осадок в головах женщин остался. Но они быстро справились с неприятным ощущением. Тем более, Флориан искусно перевел разговор в другое русло. Потом председатель отвел Ангелину в сторону и представил группе оживленно спорящих мужчин. Марго, воспользовавшись ситуацией, приблизилась к Филиппу Берже. Этот человек ее заинтересовал. Почему? Именно это ей и захотелось понять. Мужчина тут же обернулся. Завязался разговор, легкий, ни к чему не обязывающий. Понравился ли ей его доклад, какая проблема ей показалась интересной в частности, и каким ветром ее занесло на это ученое заседание в целом. В первой части разговора Марго удалось отделаться парой одобрительных фраз. Хотя она тут же дала себе слово дома прочесть внимательно доклад, уже выложенный в Интернете. На второй части беседы она остановилась поподробнее. Собственная личность всегда интересовала ее больше, чем все науки, вместе взятые. И Филипп оказался внимательным слушателем.

Ангелина, слушая вполуха разглагольствования стоявших рядом мужчин, наблюдала за подругой. Марго эффектно выделялась на фоне присутствовавших женщин. Яркая брюнетка с неправильными, но интересными чертами лица, она всегда умела выгодно подчеркнуть собственные достоинства, одновременно скрывая недостатки. Она не была красивой, скорее – бросающейся в глаза, мимо которой не пройдешь и которую не скоро забудешь. Филипп слушал свою собеседницу внимательно, не мигая, и его лицо медленно, но верно расплывалось в широкой, радостной улыбке. Невооруженным глазом было видно, какое удовольствие ему доставляет беседа с ней. И казалось, уже ровным счетом ничего не осталось от вдохновенного оратора, только очарованный своей новой знакомой мужчина: не очень ловкий и явно не обладающий необходимым опытом общения с представительницами прекрасной половины человечества. «Как быстро она его приручила! – легким уколом ревности пронеслось в Ангелиной голове. Но она тут же успокоилась – не будешь же завидовать скрипачу-виртуозу. Кому-то дано, а кому-то нет. Один прикоснется к скрипке, и польются чарующие звуки Вивальди, а результатом общения другого с тем же инструментом будет мелодия, смахивающая на дружный хор мартовских котиков или скрип несмазанных дверей.

Так и весь последующий вечер протекал самым приятнейшим образом. И подруги уже не вспоминали неприятное происшествие, случившееся вначале. Марго, к великому облегчению своей подруги, даже ни разу не подколола Лориса, вела себя пайной и даже самым милым образом распрощалась с ним и с Филиппом. Наконец с чувством удовлетворения от приятно проведенного вечера они вышли на улицу, с удовольствием вдыхая свежий вечерний воздух. Такси припозднилось, но даже это не испортило им настроения. Правда, когда подруги направились к машине, они вновь столкнулись с рыжеволосой незнакомкой.

– Выслушайте меня, пожалуйста! Мы уже с вами встречались, возможно, вы меня не помните, но я вас хорошо запомнила. Благотворительный вечер в парижской мэрии, Женевьева Бренон, мы еще говорили об ассоциации Брижит Бардо? – с ноткой отчаяния воскликнула она.

Теперь Ангелина поняла, почему это лицо и огненная шевелюра показались ей знакомыми. Память нехотя, но послушно вытаскивала из запасников давнюю встречу. Правда, честно признаться, для Ангелины Женевьева Бренон тогда была в первую очередь не очень желанной претенденткой на очередной чек. А в этот период, как уже было сказано раньше, процесс подписания чеков стал ее напрягать, и знакомство она продолжать не стала. И теперь эта странная женщина вновь взывала к ее помощи.

– Позовем полицию! – тем временем предложила Марго, явно оскорбленная экзотическим видом незнакомки. Любые посягательства на хороший вкус были для Марго преступлением против человечества. И это несмотря на то, что в общем и целом парижанка весьма терпеливо относилась к чужим и собственным недостаткам.

– Давай послушаем, говорят, – решила Ангелина.

– Вы меня принимаете за взбалмошную идиотку! – торопливо зашептала женщина. – Но вы даже представить себе не можете, о чем идет речь!

– Это вы об опытах на животных? Нас все это совершенно не касается! – заявила Марго. – Обращайтесь в лигу защиты наших меньших братьев и оставьте нас в покое!

– Животных?! Но речь идет не только о животных! Слушайте, нам необходимо поговорить, но не здесь и не сейчас! – Она нервно огляделась, потом с ноткой отчаяния в голосе продолжила: – Мы можем встретиться в другом месте, я могу вам позвонить?

– Хорошо, – только пожала плечами Ангелина и протянула визитную карточку, – только в дневные часы, пожалуйста. Я не люблю, когда меня беспокоят по утрам и вечерам, – уточнила она.

– Ты – сумасшедшая! – возмутилась Марго, когда женщина отошла. – Давать свой номер всем встречным-поперечным! Тем более – такому чуду в перьях! У нее явно не все дома, да еще мания преследования в придачу. Ты заметила, как она озиралась?

– Да ладно тебе, не преувеличивай. А потом, мне просто стало интересно, – призналась Ангелина и шутливым тоном добавила: – В конце концов, должна же я знать, на что расходуются мои кровные!

Глава 2. Приятные слова

Год 999 после Рождества Христова. Священная Римская империя, Констанц

Отца Иеронима, настоятеля прилепившейся к городскому кладбищу церкви Святой Берты, разбудил затемно громкий стук. Кто-то нещадно колотил в дверь.

– Отец Иероним! Вставайте! – раздавался зычный голос оружейника Кривого Ганса.

Он поежился, нехотя выбрался из нагретой за ночь постели, нащупал голыми ногами домашние туфли из мягкого войлока и, набросив теплую накидку из овечьей шерсти, поплелся к двери.

– Кто?

– Отец Иероним! Густавиус сгорел!

Настоятель только охнул и задрожавшими внезапно руками отодвинул засов. В комнату в клубах морозного воздуха ввалился глава караула оружейников. Так было установлено уже больше двадцати лет, что каждую ночь Констанц охранялся сменным караулом, в состав которого входили все представители мужского пола города. Только слишком юные или дряхлые были освобождены от этой повинности, и само собой разумеется, что калек тоже никто не тревожил. Эту неделю охрану несли жители квартала оружейников. Архиепископ Констанца устанавливал с избранным городскими старейшинами бургомистром очередность каждого квартала. Нужно сказать, что это нововведение позволило наконец городу вздохнуть спокойнее. Правда, были и недовольные – те самые душегубы и разбойники, которых лишили возможности легкой наживы. Но их мнения, слава богу, никто не спрашивал. Выгода была и для городской казны. Такая стража стоила гораздо дешевле, нежели нанятые архиепископом профессиональные воины. В общем, сплошные плюсы, впрочем, на минусы никто бы в таких условиях и внимания не обратил, не до жиру.

Взору потрясенного отца Иеронима предстало мрачное зрелище: обугленные остатки сторожки, предусмотрительно залитые парой ведер воды, и внутри... все, что осталось от бедняги Густавиуса. Настоятель в бессилии поднял свой взор к небу. Рассветное солнце поднималось в серой дымке, не согревая и не освещая. Темные, угрожающие тучи спешили с севера, чтобы окончательно прогнать любые проблески небесного светила. Иероним опустил голову.

– Вот сволочи, – рассуждал тем временем Кривой Ганс, – все продумали!

– Что продумали? – встрепнулся Иероним.

– А то, что не оставили бедняге никакой надежды на спасение, – с гневом отчеканил тот, покачивая головой.

– Объясни! – потребовал настоятель, безуспешно всматриваясь в мрачную сцену.

– Дверь-то была закрыта снаружи!

Иероним непонимающе уставился на Ганса, но тот без слов указал на остатки металлической задвижки.

– Только одно непонятно: кому понадобилось убивать такого бедняка, как Густавиус? – наморщил лоб оружейник. Его единственный глаз внимательно рассматривал все кругом. Второй был закрыт черной повязкой, его выжгло брызгами жидкого железа.

– Ты уверен, что это не несчастный случай?

– Уверен, отец.

Другие члены караула кивнули головами в знак согласия. Авторитет Кривого Ганса был непререкаем.

Для отца Иеронима все случающееся с любым из земных людей было делом Божиим. Блаженны верующие в Царствие Небесное, и он был именно таким блаженным. Он не роптал, даже когда его жена Хильдегунд умерла при родах, давая жизнь долгожданному первенцу. Маленький Теобальд ненадолго пережил мать. Плачущий отец только успел окрестить и наречь младенца, как тот воссоединился с матерью. Так их и похоронили в общей могиле. Но Иероним покорился воле Господней. Раз так случилось, значит, так тому и быть. И его милая и спокойная Хильдегунд была счастливее и спокойнее в райской обители с их маленьким Теобальдом. А ему следовало оставаться и служить Господу на земле, помогать страждущим и вселять надежду в сердца. В общем, отец Иероним был кротким человеком, и ничто не могло привести его ни к великому гневу, ни к крайнему отчаянию, ни к чрезмерной печали. И самое главное, ничто не могло его заставить жаловаться на Создателя всего сущего. Но этим утром при виде изуродованного пламенем Густавиуса что-то перевернулось в душе Иеронима. Именно с этой минуты небывалое чувство гнева наполнило обычно его столь кроткую, голубиную душу. Нет, он не посчитал себя орудием божественной справедливости. Он никогда не был горделивым. Просто теперь он должен, просто обязан был найти и наказать убийц. Кривой Ганс с удивлением рассматривал маленького священника. Иеронимус словно стал выше ростом, сутулые плечи расправились, а в глазах засверкал непонятный огонь. Оружейник привык к незлобивому и всегда ровному нраву служителя. Но сейчас перед ним был другой человек, главной целью которого стала месть.

* * *

Звонок Лориса застал Ангелину в салоне ее любимого парикмахера. Она только взглянула на высветившийся номер, но отвечать не стала. Нужно сказать, что Флориан выбрал самое неподходящее время. Это было почти святотатством – беспокоить мадам Слепцову в такой момент. Жак был не просто хорошим парикмахером. Он был настоящим артистом. И из ее среднестатистической, по собственному Ангелининому выражению, внешности ему удавалось создавать нечто почти утонченное, элегантное. Словно скульптор, он отсекал ненужные, грубые куски мрамора и являл свету чудо, скрытую, никому не известную очаровательную женщину. Ангелина даже в самые свои лучшие, молодые годы, когда, по единодушному утверждению, она была чрезвычайно миленькой, не чувствовала себя настолько привлекательной. Кроме того, Жак ухитрялся устанавливать со всеми своими клиентками близкие, доверительные отношения.

Но Флориан не успокаивался.

– Ты можешь ответить, Анжи, – проворковал Жак, колдуя над непослушной прядкой.

– Подождет, – махнула она рукой.

– Поклонник?

– Хуже, – усмехнулась она.

– Неужели жених? Будь осторожна, дорогая, с твоей фортуной надо быть осторожнее со знакомствами! – выкатил и без того выпуклые глаза Жак. Теперь ее парикмахер напоминал рака, сходство усиливали щелкающие, словно клешни, ножницы.

– Не в этом смысле, но мои деньги его тоже интересуют. Он – председатель крупного фонда, занимающегося исследованиями мозга или чего-то подобного. Может, тебе знаком Флориан Лорис?

– Лорис! – Жак вздрогнул, и его ножницы щелкнули в пустоте.

– Ты его знаешь?

Тем временем Жак пришел в себя и с деланным равнодушием покачал головой:

– Слышал пару раз, но не хочу об этом говорить, все это ерунда. И, кстати, совсем забыл, я хотел тебе предложить попробовать немного другой контраст, мне кажется, что он утончит линию носа и подбородка, а вот здесь я немного уберу, – перевел он разговор на другую тему.

– Я тебе полностью доверяю, – улыбнулась она, не придав никакого значения только что случившемуся.

Лорису она перезвонила, только выйдя из салона.

– Я рад, что вас нашел, мадам Слепцова.

– Что-то срочное?

– И да, и нет. Просто хотел вас пригласить на небольшую презентацию, которая состоится в нашем исследовательском центре рядом с Кольмаром в Альзасе.

– Презентацию?

– Ну, скажем точнее, демонстрацию нашего последнего достижения. Я думаю, вам будет интересно своими глазами увидеть реализацию проекта, в который вы вложили такую солидную сумму? – по телефону приятный баритон Лориса завораживал. – Кроме того, будут присутствовать несколько известных ученых и другая, не менее престижная публика. Наш исследовательский центр располагается в старинном замке, часть которого была переделана в гостевой отель. Местность чрезвычайно живописная, кухня, не побоюсь сказать, замечательная. Так что не пожалеете. Я уже вам скинул на мейл приглашение, посмотрите и дайте мне знать.

– Хорошо, спасибо, я очень польщена вашим предложением, – произнесла она, – только можно мне захватить с собой подругу?

– Конечно.

– В таком случае я дам вам знать завтра...

Марго, услышав о приглашении Лориса, сначала удивилась, потом заявила, что на всех этих научных демонстрациях можно умереть от тоски. И тем более – при скопище такого количества претенциозных ученых мужей, скукотища, одним словом. В этот момент, по всей видимости, она вспомнила о существовании Филиппа Берже. Замолчала, что-то обдумывая. Потом решила рассмотреть повнимательнее сам замок, окрестности, список приглашенных. Потратив несколько минут на изучение всех данных и пристальную проработку меню местного ресторана, сменила гнев на милость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.